

Р. МАНН

«Головинская» редакция «Сказания о Мамаевом побоище» и ее значение для памятников Куликовского цикла

Полный текст «Сказания о Мамаевом побоище» впервые был опубликован Иваном Снегиревым в 1829 г.¹ Спустя несколько лет, в 1835 г., Николай Головин опубликовал другой вариант «Сказания» из своей большой коллекции русских древностей.² Научное изучение древнерусских памятников только начиналось, и никто, казалось, не понимал, каким образом более краткий вариант у Головина мог представлять интерес. Его публикация, тоненькая брошюрка всего лишь в 32 страницы, не привлекла серьезного внимания и скоро была забыта. Текст Головина обходят молчанием все важнейшие исследования «Слова о полку Игореве» и памятников Куликовского цикла. Однако близкое рассмотрение текста, изданного Головиным в 1835 г., показывает, что список Головина принадлежит ранее неизвестной редакции «Сказания», которая предшествовала всем известным редакциям, в том числе так называемой Основной. После смерти Головина рукопись затерялась вместе с сотнями других редкостей из его огромной коллекции. К счастью, изданная им книжка уцелела в четырех экземплярах, хранящихся в библиотеках Москвы, Санкт-Петербурга и Гарвардского университета.³

В заглавии своей публикации Головин называет издаваемый текст «сочинением XV столетия». Автор «Сказания» утверждает, что часть сведений он получил у свидетеля, присутствовавшего на Куликовской битве: «Се же слышахъ отъ вѣрнаго самовидца, отъ полку Князя Владимира Андреевича, иже повѣда Великому Князю видѣние...».⁴ Если верить его словам, то данная

¹ Снегирев И. Сказание о побоище великаго князя Дмитрия Иоанновича Донскаго // Русский зритель. СПб., 1829. Ч. 5. С. 3—67. Фрагмент «Сказания» публиковался в 1810 г. См.: Русский вестник. СПб., 1810. № 3 (март). С 1—31. Текст Снегирева переиздан в 1838 г. с разночтениями по другим спискам. Публикация 1838 г. переиздана в монографии: Манн Р. Сказание о Мамаевом побоище : Забытый список Николая Головина // Monuments of Early Russian Literature series. Berkeley Slavic Specialties, 2010. Vol. 8. P. 101—167.

² См.: Сказание о побоищѣ Великаго Князя Дмитрія Иоанновича Донскаго съ нечестивымъ царемъ Мамаемъ и съ безчисленными Татараы на Дону, на рѣкѣ Непрядвѣ, на полѣ Куликовѣ, 1380 года 8-го Сентября. Сочиненіе XV столетія издал Николай Головин. М., 1835.

³ Книжка Головина стала раритетом. Экземпляры хранятся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, в Государственной публичной исторической библиотеке России (Москва) и в Хотонской библиотеке Гарвардского университета.

⁴ Здесь и далее текст, опубликованный Н. Головиным, цитируется по переизданию: Манн Р. Сказание о Мамаевом побоище. С. 96. (Далее при цитировании текста Н. Головина — Манн-2010).

редакция должна датироваться первыми десятилетиями после самой битвы, временем примерно от 1380 до 1420 г. Однако список Головина имеет заимствования из «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича». ⁵ Поэтому в том виде, в каком он до нас дошел, текст Головина не может относиться к более раннему времени, чем 1390 г.

Список Головина содержит пять уникальных параллелей к тексту «Слова о полку Игореве». Из них только одна была отмечена исследователями:⁶

«Слово о полку Игореве»: Игорь къ Дону вои ведеть: уже бо бѣды его пасеть птиць; подобію вльци грозу въ срозать, по яругамъ; орли клеткомъ на кости звѣри зовуть, *лисици брешуть на чръленья щиты*. О руская земле! уже за Шеломянемъ еси.⁷

Список Головина: По малѣхъ же днѣхъ приступиша къ Дону; мнози же волцы придоша на то мѣсто по вся ноци воють непрестанно: гроза бо велика есть слышати, храбрымъ полкомъ сердца утврждаеть, и ворони собрашея, необычно, неумолкающе грають, галицы же своєю рѣчью говорятъ и орли отъ усть Дону приспѣша, *лисицы на червленныи щиты брещуть*, ждучи дни грознаго, въ онъ же имать пастися множество трупа челоувѣческаго и кровопролитія, аки морскимъ водамъ; отъ такого страха и отъ великія грозы дерева преклоняются и трава постилаеться.⁸

В других редакциях «Сказания» лисицы лают на доспехи или кости, а не на червленые щиты как в «Слове». Глагол перемещен в списке Головина, но в других отношениях формула идентична той, что мы находим в «Слове».

В поэтических образах «Слова» река Двина «болотом течет под кликом поганых»:

Уже бо Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ Полочаномъ *подъ кликомъ поганыхъ*.

В списке Головина используется та же формулировка и тоже в связи с мутными реками:

Вострепеташа озера и рѣки: поле же Куликово перегибающесея *подъ хоругвями сыновъ Русскихъ и кликомъ поганыхъ*.⁹

Эта редкая формулировка не встречается в других редакциях «Сказания».

Постоянный эпитет у князя Всеволода в «Слове» — «буй турь». Головинская версия «Сказания» является единственным произведением Куликовского цикла с этой формулой:

Ягайло же Литовскій прииде къ Одоеву и увѣда, яко Олгъ убоися ийти противу Великаго Князя, пребысть ту не подвизаяся, аки гладный волкъ, видя стадо *буйныхъ туровъ*.¹⁰

⁵ Датировка «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Иоанновича, царя русьскаго» — вопрос спорный. Однако вполне возможно, что оно было написано вскоре после смерти Дмитрия Ивановича в 1389 г. О заимствованиях из «Слова о житии» см.: Манн Р. Сказание о Мамаевом побоище. С. 60—61.

⁶ О. В. Творогов обратил внимание на эту параллель в статье о Николае Головине : Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 2. С. 39—40.

⁷ «Слово о полку Игореве» здесь и в дальнейшем цитируется по первому изданию.

⁸ Манн-2010. С. 90.

⁹ Там же. С. 92.

¹⁰ Там же. С. 88.

Еще две не отмеченные ранее параллели к тексту «Слова» встречаются в тексте Головина в последнем абзаце. «Слово» заканчивается пением и ликованием, обращением к слушателям воспеть своих князей. Города и страны празднуют возвращение Игоря, а голоса дунайских девиц вьются через море до Киева:

Дѣвици поють на Дунаи. Вьются голоси чрезъ море до *Кіева*. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Святѣй Богородици Пирогощей. *Страны ради, гради весели*, пѣвше пѣснь старымъ Княземъ, а по томъ молодымъ. Пѣти слава Игорю Святъславлича. Буй туру Всеволодѣ, Владиміру Игоревичу. Здрави Князи и дружина, побарая за христьяны на поганья плъки. Княземъ слава, а дружинѣ Аминь.

«Сказание» тоже заканчивается музыкальным ликованием, но в отличие от других редакций «Сказания» в списке Головина воспетая слава победителей доносится, так же как в «Слове», до *Кіева*. Более того, употребляется та же формула, что и в «Слове»: «страны и гради».

И возвеселишеся удалцы Русскіе въ Татарскихъ узорочьяхъ, везучи въ землю свою уюсы и насачи, бугай, кони, и волы и верблюды, меды и вина! — И превознесетъ слава земли Русской: ревутъ рози Великаго Князя по всѣмъ странамъ. Пойде вѣсть по всѣмъ градомъ: къ *Кіеву*, ко Львову, къ Судаку, къ Кафѣ, къ Желѣзнымъ вратамъ и Царю-граду: *Русь поганьи одолѣша на полѣ Куликовѣ, на рѣцѣ Непрядѣ*. — Воздадимъ хвалу Русской земли! — Вси страны и гради возносятъ имя Господне. Прославимъ милость Его во вѣки вѣковъ! Аминь.¹¹

В контексте Куликовской битвы упоминание о Киеве (так же как и аллюзия на Киев в зачине «Задонщины») имеет слабую историческую мотивировку и безусловно восходит к той же эпической традиции, которая произвела на свет «Слово о полку Игореве». В дальнейшем в снегиревской редакции «Сказания» Киев уже выпал из списка городов.

Ни одна из этих пяти параллелей тексту «Слова о полку Игореве» не присутствует ни в других редакциях «Сказания», ни в списках «Задонщины». Известно, что «Сказание» заимствовало формулировки из поэтической повести о Куликовской битве. В принципе некоторые из этих образов могли идти из «Задонщины», но другие, без сомнения, взяты из устных повестей, послуживших основой для «Задонщины». Уникальные параллели тексту «Слова», найденные в издании Головина, говоря чисто теоретически, могли бы быть прямыми заимствованиями из «Слова» же. Впрочем, степень ассимиляции этих формулировок новым контекстом дает понять, что они пришли из повести о Куликовской битве. Приписывать данные параллели раннему, пропавшему варианту «Задонщины» нет оснований (хотя, как мне кажется, «Задонщина» несколько раз редактировалась).

¹¹ Там же. С. 96—97. «Львову» — очевидная ошибка переписчика вместо «Азову». Судя по другим редакциям «Сказания» и параллельному пассажи в «Задонщине», первоначально это название читалось «Орначу». Впоследствии это название заменилось альтернативным названием «Азов». Потом это слово спутали с городом Львов. См.: Там же. С. 29—30. См. также работу: *Ostrowski D. City Names of the Western Steppe at the Time of the Mongol Invasion // Bul. of the School of Oriental and African Studies. University of London. 1998. Vol. 61, pt. 3. P. 465—475.*

На первый взгляд метафора с лающими лисицами кажется самой разительной из «новых» параллелей, на самом же деле значимость этой параллели меньше, чем других, потому что ее происхождение неясно. Источником могут быть: эпическая песнь о Куликовской битве, пропавшая версия «Задонщины» или же «Слово о полку Игореве» (известное автору «Сказания» по памяти или в письменном виде). Другие четыре параллели, по-видимому, были полностью ассимилированы в повести о Куликовской битве еще до того, как вошли в «Сказание». По всей вероятности, пассаж с лающими лисицами вошел в «Сказание» тем же путем, что и другие параллели, поэтому можно заключить, что все пять параллелей восходят, скорее всего, к устному эпосу о Куликовской битве, к одной из устных повестей, лежавших в основе «Задонщины». Такой вывод находит себе поддержку в различных редакциях «Сказания», где намечаются фольклорные разновидности формулировок «Задонщины».¹² Вряд ли все они читались в неизвестной ранней редакции «Задонщины». Редакторы вставляли в текст «Сказания» варианты, известные им из версий устных повестей.

Из всех «новых» параллелей к тексту «Слова» наибольшее значение имеют те, что мы находим в самом конце «Сказания»: «къ Киеву» и «страны и гради». Следующая, снегиревская редакция тоже заканчивается музыкальным прославлением великого князя, и без редакции Головина можно было думать, что эта концовка может восходить к эпической традиции, отраженной и в «Слове о полку Игореве». Однако редакция Снегирева лишена тех специфичных признаков, которые доказывают эту связь со «Словом». В списке же Головина словосочетание «страны и гради» и аллюзия на Киев показывают, что в основе «Сказания» лежит устная повесть, которая заканчивалась мотивами пения и ликования, восходящими к киевской эпической традиции.

Значение этого наблюдения трудно преувеличить. Оно подкрепляет предположение, что устный эпос киевского периода еще был известен в конце XIV в., что песнотворцы и сказители продолжали древнюю традицию, приспособлявая «старые словеса» к новым историческим обстоятельствам. Можно заключить, что самая ранняя редакция «Сказания» наряду с устной повестью о Куликовской битве заканчивалась мотивами, сходными с концовкой «Слова о полку Игореве». В дальнейшем я попытаюсь продемонстрировать, что концовка устной повести, послужившей источником для «Сказания», бросает свет на некоторые из самых сложных головоломок, представляемых произведениями Куликовского цикла.

«Задонщина»

Уцелевшие списки «Задонщины» не сохранили концовки, подобной той, что мы находим в «Сказании» Головина. В списке КБ и других неполных, фрагментарных списках не хватает заключения, которое в тексте «Сказания»

¹² См.: *Дмитриев Л. А.* Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 385—439.

Головина следует за перечнем добычи, захваченной русским войском.¹³ Только списки У, И1 и С свидетельствуют о форме и содержании концовки в «Задонщине». Списки У и И1 очень близки друг к другу и принадлежат одному изводу. Список С в основном следует тому же порядку мотивов, как У и И1, но он представляет ряд отклонений от структуры и фразировки У и И1. В моем анализе «Задонщины» сосредоточусь на списках С и У как на представителях двух отдельных изводов.

За исключением многочисленных мелких вариаций в фразировке и некоторых прозаических добавлений от автора-компилятора, повествование С идет параллельно тексту У — до того момента, где можно ожидать мотив ликования, которым заканчивается «Сказание» Головина. Список У представляет тот же мотив военной добычи, как и список Головина, но заключительное пение, славление и ликование списка Головина заменяются цепочкой эпических формул, рассчитанных на отгнетение победы русских войск:

Уже бо русские с(ы)н(о)ве разграбиша татарские узорочья, и dospѣхи, и кони, и волы, и верблуды, и вино, и сахар, и дорогое узорочие. Уже жены русские восплескаша татарским златом.

Уже бо по Руской земле простресе веселие и буиство. Воснесесе слава руская по всеи земли, а на поганых татар промчесе злых бусорманов хула и пагуба. Уже бо вержено диво на земли. И уже грозы великаго кн(я)зя Дмитрея Ивановича и брата его кн(я)зя Владимира Андрѣевича по всем землям текут грозы. И кн(я)зь великий своею храбростию и дружиною Мамаю поганог(о) побил за землю за Рускую и за вѣру крещеную. Уже поганые оружия своя повергоша на землю, а главы своя подклониша под мечи руские. И трубы их не трубят, и уныша гласи их.¹⁴

Каждая формула в цепочке раньше использовалась в «Слове о полку Игореве», но не в его заключении. Тот факт, что эти формулы «Задонщины» выступают в разрозненных частях «Слова», объясняется, скорее всего, тем, что автор вводит их по памяти, а не через заимствования подходящего материала из какой-либо рукописи. Судя по его выбору формул, задача автора состояла в том, чтобы восславить победу Дмитрия Ивановича, но без тех мотивов, которые традиционно означали конец повествования.

Однако в отличие от У в списке С концовка с музыкой и ликованием не заменялась. На ее месте находим прозаическое высказывание о Божией милости, вслед за тем упоминается возвращение войска в Москву «з радостию незглаголанною». Потом в С следует, так же как и в У, насмешка над Мамаем и сообщение о его смерти в Кафе.¹⁵ Список У заканчивается дополнитель-

¹³ Тексты «Задонщины» цитируются по публикации Р. П. Дмитриевой в книге «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 535—556 (Далее — Дмитриева-1966).

¹⁴ Дмитриева-1966. С. 540.

¹⁵ Концовка в списке Головина отражается и частично воспроизводится в другом месте «Задонщины»:

«Задонщина» (список С): Кликнула диво по всим землям руским, велит грозна послушати. Шибла слава к мору и и Ворнавичом, и к Железным вратом, ко Кафе и к турком и ко Царуграду, и што Русь поганых одалеша (Дмитриева-1966. С. 553).

Головин: И превознесесе слава земли Руской: ревуь рози Великаго Князя по всѣмъ странамъ. Пойде вѣсть по всѣмъ градомъ: къ Киеву, ко Львову, къ Судаку, къ Кафѣ, къ Желѣзнымъ вратамъ и Царю-граду: Русь поганьи одолѣша на полѣ Куликовѣ, на рѣцѣ Непрядвѣ (Манн-2010. С. 97).

ными мотивами, которые отсутствуют в С: набожное сравнение Русской земли в руках у Бога с младенцем на руках у матери, подсчет павших в бою и заключительная речь великого князя.

Как объяснить замену традиционной устно-эпической концовки в списке С с ее полным исчезновением в У, в то время как до этого места тексты С и У являются сходными.¹⁶ Ключ к пониманию этого вопроса, на мой взгляд, можно найти в списке «Сказания», изданном Головиным. «Сказание» по списку Головина заканчивается радостным мотивом славления, тесно связанным по стилю и содержанию с заключением «Слова о полку Игореве». Это заставляет думать, что концовка «Сказания», так же как и многие другие пассажи, заимствована из устно-эпической повести о Куликовской битве. Та концовка, что мы находим в «Слове», оказалась стабильным и долговечным мотивом устно-эпической традиции. Замена и исчезновение этой концовки в «Задонщине», скорее всего, результат двух этапов в эволюции «Задонщины». Первоначальная редакция заканчивалась тем же мотивом, что у Головина. К этой стержневой редакции присоединили дополнительные эпизоды. Насмешка над Мамаем и сообщение о его смерти, по всей вероятности, не присутствовали в ранней редакции, которая следовала устно-эпической повести (без подсчета павших в бою, без рассказа о судьбе Мамаю). На более позднем этапе редакторы переделали концовку «Задонщины», чтобы разместить в конце эти новые элементы. В изводе У на этом этапе концовка заменилась цепочкой мотивов, прославляющих великого князя. В изводе С концовку просто убрали, чтобы поместить новое заключение с сообщением о кончине Мамаю.

Ритмический строй и округленные числа в перечне павших свидетельствуют, скорее всего, об устно-эпическом происхождении этого мотива в «Задонщине». Его источником была устная повесть о Куликовской битве, дополненная информацией о павших в бою и о посрамлении Мамаю. Эволюция «Задонщины» отражает эволюцию устных источников о Куликовской битве. Исходя из ритмики и тональности рассказа о бегстве и кончине Мамаю, можно считать, что эта часть «Задонщины» тоже восходит к популярной устно-народной традиции.¹⁷ Два варианта этого рассказа в С и У близки по содержанию, но между ними нет совпадений в фразировке, которые указывали бы на тесную письменную связь между ними. Возможно, что обе сводки про Мамаю являются в какой-то мере независимыми друг от друга пересказами

Данный мотив в «Задонщине» явно не на своем месте. В этот момент битва еще идет всю. Заявление о победе преждевременно. Этот мотив восходит, в частности, к мотиву Дива, который в «Слове о полку Игореве» кличет далеким странам, предупреждая их о приближении русского войска. Однако мотив Дива объединен тут с деталями из радостной концовки.

¹⁶ В списке С, видимо, пропущен значительный фрагмент текста перед плачем татар. Не ясно, является ли это случайной ошибкой, или же результатом намеренного редактирования. В списке У текст, пропущенный в списке С, следует за словами, соответствующими этим словам в списке С: «Тогда яко орли слетешася но великия сыи татарския поганого ц(а)ря Момоя» (Дмитриева-1966. С. 555).

¹⁷ Так же как былины, которые превратились в прозу (сказки и другие устно-народные повести), или же «вдохновили» эти более прозаические повести, очень вероятно, что эпические песни и легенды о Куликовской битве послужили материалом для сказителей, которые создавали устные сказания в прозе. К примеру, см.: Мелихов М. В. Сказание о Мамаеве воинстве // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 388—403; Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. М., 1957. Т. 2. С. 377—383; Манн Р. «The Kulikovo Battle and the Bylina about the Two Lithuanian Brothers» // Russian History. 1981. Vol. 8, pt. 3. P. 279—289.

устной повести. По всей вероятности, корпус легенд о Мамае и Куликовской битве постепенно разрастался, пришлось добавить то, чего не хватало в ранних редакциях «Задонщины» и «Сказания». Чтобы это осуществить, нужно было удалить или трансформировать неуместную, «преждевременную» концовку. Таким образом, мотив добычи и радости русских войск стал точкой расхождения для двух изводов «Задонщины». Теперь мы имеем два основных варианта «Задонщины», более или менее идентичных до конца мотива добычи, который в «Сказании» Головина стоит непосредственно перед «музыкальной» концовкой. После мотива добычи два варианта «Задонщины» расходятся.

Возникает новый вопрос: не могла ли концовка «Сказания» быть заимствована из предполагаемой мной ранней редакции «Задонщины»? Теоретически это возможно, но маловероятно. Ни одна из устно-эпических выдержек в списке Головина не соответствует известным текстам «Задонщины» с той точностью, которая позволила бы с уверенностью заключить, что какая-либо из них заимствована из «Задонщины». Это вдобавок к другим устно-эпическим пассажам, цитируемым в других редакциях «Сказания», которые тоже не имеют точных соответствий в «Задонщине». Итак, хотя автор первой редакции «Сказания» мог быть знаком с «Задонщиной», он (так же как и авторы «Задонщины»), вероятно, цитировал по памяти устно-эпические повести о Куликовской битве.

Летописные повести о Куликовской битве

Кроме «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище» Куликовский цикл содержит две летописные сводки — «Пространную летописную повесть о Куликовской битве» и «Краткую летописную повесть о Куликовской битве» (далее — ПЛП и КЛП).¹⁸ В начале прошлого века Шахматов предполагал, что КЛП является сокращенным вариантом ПЛП, однако за последние 30—40 лет шеренги древнерусских историков и исследователей выстроились в ряд за М. А. Салминой, утверждавшей, что ПЛП — расширенный вид КЛП.¹⁹ Ее теория зиждется на двух главных столпах: на фразеологии КЛП и на имени «Феодор Торусский» в списке павших в ПЛП. Данное имя отсутствует в КЛП. Салмина утверждает, что Феодор Торусский скончался только в 1437 г., чуть ли не 60 лет спустя после Куликовской битвы, поэтому его имя среди жертв Куликовской битвы нужно считать анахронизмом. Это значит, по Салминой, что ПЛП была создана намного позже, чем КЛП,

¹⁸ Источниками с древнейшими вариантами ПЛП являются: Новгородская IV летопись (ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 310—325); Новгородская Карамзинская летопись (ПСРЛ. М., 2002. Т. 42. С. 138—144); Софийская I летопись (ПСРЛ. М., 2000. Т. 6, вып. 1. Стб. 455—471). Вариант ПЛП в списке Карамзина очень близок к варианту Новгородской IV летописи. Цитирую в основном Новгородскую IV летопись. Древнейшие варианты КЛП найдены в Рогожском летописце (ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. Стб. 134—141) и в Симеоновской летописи (ПСРЛ. М., 2007. Т. 18. С. 129—131). В данном исследовании Рогожский летописец и Симеоновская летопись цитируются по указанным изданиям.

¹⁹ См.: Салмина М. А. 1) Летописная повесть о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 344—384; 2) Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 4.

которая находилась уже в Троицкой летописи 1408—1409 гг.²⁰ Салмина указывает на ряд летописных формул, общих для КЛП и других летописных известий в том своде, где находится КЛП (т. е. в протографе этого свода). Она утверждает, что эти формулы отражают специфичный стиль того свода. Поэтому, по Салминой, поскольку те же самые формулы встречаются в ПЛП, можно считать, что ПЛП основана на КЛП.²¹

По мнению С. Н. Азбелева, летописные формулы, о которых шла речь, характерны не для одного летописного свода, а являются широко распространенными трафаретами московского летописания.²² Л. А. Дмитриев тоже отнесся скептически к этому аргументу Салминой и добавил, что имя Феодор Торусский могло быть внесено в повесть через много лет после ее написания.²³ Ч. Гальперин указал на ряд сомнительных предположений в аргументации Салминой.²⁴ Впрочем, до сих пор никто не сумел наглядно доказать ошибочность ее гипотезы.

²⁰ Выписки Карамзина из Троицкой летописи (пропавшей в пожарах Москвы 1812 г.) показывают, что Рогожский летописец и Симеоновская летопись близко соответствуют Троицкой летописи. См.: *Приселков М. Д.* Введение // Троицкая летопись. СПб., 2002. С. 9—48; *Halperin C. J.* Text and Textology : Salmina's Dating of the Chronicle Tales about Dmitrii Donskoi // *Slavic and East European Review*. 2001. Vol. 79, pt. 2 (April). P. 248—263. Дональд Островски сомневается в практической применимости выписок Карамзина к истории КЛП и ПЛП, особенно ввиду отсутствия у Карамзина выписок из летописной статьи за 1380 г. См.: *Ostrowski D.* Muscovy and the Mongols : Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304—1589. Cambridge, 1998. P. 158. Однако выписки Карамзина из летописного известия за 1382 г., как я стараюсь показать, свидетельствуют о присутствии КЛП в Троицкой летописи.

²¹ М. А. Салмина указывает на следующие параллели как на свидетельство тесной связи КЛП именно с известием о битве на Воже в одном и том же своде: 1) «Того же лета... ординский поганый Мамай събрав рати многы... поиде на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую» (1380) — «Того же лета ординский князь поганый Мамай, събрав воя многы... посла... на князя великаго Дмитрея Ивановича и на всю землю Русскую» (1378); 2) «Се же слышав князь великий Дмитрий Иванович, събрав воя многы поиде противу их... и переехав Оку» (1380) — «Се же слышав князь великий Дмитрий Иванович, събрав воя многы и поиде противу их... и переехав за Оку» (1378); 3) «...погании побегоша, а наши после, бьюще, секуще поганых (1380) — «...татарове... побегоша... а наши после за ними, бьючи их и секучи» (1378); 4) «...и поможе бог князю великому Дмитрию Ивановичю» (1380) — «...и поможе бог князю великому Дмитрею Ивановичю» (1378); 5) «Князь же великий Дмитрий Иванович... възвратися отгуду на Москву... с победою великою» (1380) — «Князь же великий Дмитрий възвратився отгуду на Москву с победою великою» (1378); 6) «...и мнози вои его... обретаючи корысть многу» (1380) — «...рати роспусти с многою корыстию» (1378); 7) «Мамай... гневашеся и неистовася, яряся... събра останочную свою силу, еще възхоте ити изгоном паку... на всю Русскую землю» (1380) — «И разгнева же ся зело Мамай... и възъярися злобою... събрав останочную силу свою... поиде... изгоном на Рязанскую землю» (1378). См.: *Салмина М. А.* Еще раз о датировке... С. 3—4. Надо отметить, что последние три выдержки в списке Салминой (5, 6 и 7) взяты из той части КЛП, которая следует за описанием самой битвы.

²² *Азбелев С. Н.* Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского // *Летописи и хроники* : Сб. статей 1973 г. Посвящен памяти А. Н. Насонова. М., 1974. С. 164—172.

²³ Л. А. Дмитриев пишет: «М. А. Салмина отвергает возможность того, что могло быть два разных Федора Тарусских или же что имя это попало в текст пространной летописной повести на более позднем этапе литературной истории данного произведения. Несмотря на целый ряд убедительных доводов М. А. Салминой в пользу своей датировки пространной летописной повести, признать ее выводы бесспорными и окончательными все же нельзя. Для окончательного решения данного вопроса необходимы дальнейшие разыскания» (*Дмитриев Л. А.* История памятников Куликовского цикла // *Сказания и повести о Куликовской битве*. Л., 1982. С. 332).

²⁴ См.: *Halperin Ch. J.* Text and Textology. P. 248—263.

Предлагаю подойти к этому вопросу по-новому, используя «Сказание» Головина как ориентир. Такой подход приведет к более полному пониманию всех памятников Куликовского цикла.

КЛП представляет историю Куликовской битвы на полутора страницах 15-го тома «Полного собрания русских летописей», заканчиваясь рассказом о судьбе Мамаю. Эта часть, про Мамаю, совпадает почти слово в слово с окончанием ПЛП.²⁵ КЛП посвящает всего лишь 250 слов сводке о главных моментах военной кампании, а потом события начинают излагаться более детально. Подходим ближе к действию, как будто сделан наезд камеры. При новой перспективе повествователь посвящает событиям, последовавшим после конца битвы, 500 слов, в два раза больше, чем в повествовании о самой битве. Внимательный читатель задается вопросом: почему так мало внимания уделяется легендарной битве?²⁶

Более того, если ПЛП является расширенным видом КЛП, тогда непонятно, почему ПЛП увеличивает первую часть КЛП (краткую сводку о самой битве) при буквальном воспроизведении второй части (о судьбе Мамаю). Если авторы ПЛП использовали КЛП в качестве главного образца или ориентира, отчего они вдруг потеряли творческий порыв, когда подошли к событиям, последовавшим за битвой, став простыми переписчиками?

Стиль ПЛП однороден по сравнению со стилем КЛП, в которой повествование вдруг становится более детальным сразу после битвы — как раз в тот момент, когда этого менее всего можно было ожидать в рассказе, написанном одним автором. В ПЛП повествование не разбивается на две различные по стилю части, вся повесть имеет единую перспективу.

Другой вопрос: зачем же авторам ПЛП рабски следовать мелким нюансам фразеологии в первой части КЛП, когда они явно знали намного больше о Куликовской битве, чем то, что сказано в КЛП? Они не нуждались в КЛП. ПЛП в десять раз длиннее, чем КЛП. Правда, много места занимают длинные молитвы, но повествователь большей частью рассказывает о передвижениях и мотивировке действующих лиц: Дмитрия Ивановича, Мамаю, Ягайло, Олега Рязанского. ПЛП по сравнению с КЛП богаче информацией, которая излагается на довольно высоком уровне. Авторы ПЛП знали все обстоятельства Куликовской битвы без скупых сведений КЛП. Идея, что авторы ПЛП, зная обстоятельства битвы, внимательно вписывали в свою повесть десяток кратчайших выдержек из первой части КЛП, крайне сомнительна. Можно фантазировать о писателе, использовавшем КЛП в качестве источника для более пространной повести, но представить себе, чтобы при этом он сохранил краткие фразочки, кропотливо вплетая их в свое произведение, весьма трудно. Не было никакой необходимости это делать. Использование фразировки КЛП как источника для сведений, ему уже знакомых, только бы помешало.

Двойная структура КЛП бросается в глаза. Вначале все события куликовской кампании сжимаются в кратчайшее повествование, потом вдруг повествование становится более подробным и текст начинает совпадать с про-

²⁵ См.: Рогожский летописец. Стб. 139—141.

²⁶ Известие о Куликовской битве (КЛП) в Симеоновской летописи озаглавлено: «О великомъ побоищи, иже на Дону» (Симеоновская летопись. С. 129). Впрочем, немного места уделяется этому «великому побоищу»!

странной повестью. Однако перед тем, как меняется стиль, повествователь заключает свою крайне скупую сводку о битве традиционной формулой, которая в текстах различных летописей знаменует конец летописного известия:

Се бысть побоище мѣсяца сѣнтября въ 8 день, на Рожество святыя Богородица, въ субботу до обѣда.²⁷

Эти слова наряду с неожиданным переключением на новый стиль могут объясняться составным, «двухэтажным» характером КЛП. Сначала было написано краткое летописное известие с этой заключительной формулой. Позже была создана новая редакция, когда дополнительные сведения о судьбе Мамаю были присоединены к первой.²⁸

Можно догадаться, что с того места, где начинается вторая редакция, автор просто списывает с ПЛП. Теперь уже ясно, что при изучении летописных повестей о Куликовской битве необходимо различать две части текста как в ПЛП, так и в КЛП.

При тщательном разборе малословной первой части КЛП обнаруживаются следы зависимости текста от ПЛП. Например, в ПЛП описывается гнев и ярость Мамаю:

...сего ради и нечестивіи лють гнѣвашеся [вариант: гнѣвашеся]²⁹ о своихъ друзѣхъ и лю[бо]вницѣхъ, о князѣхъ, избьеныхъ на рѣцѣ на Вожѣ. И нача свѣрѣпо и напрасно силы своя сбирати, съ яростию подвижесе силою многою, хотя пленити крестьянь.³⁰

Потом, через краткий отрезок повествовательного времени, Дмитрий Иванович узнает о выступлении татарских войск:

И бысть мѣсяца августа, приидоша отъ Орды таковыя вѣсти къ христоролибивоумоу князю, оже въздвигается на крестьяны Измалтескіи родь.³¹

В этих двух пассажах глагольное время следует грамматическим нормам. Прошедшее время употребляется в самом повествовании («гнѣвашеся»), а когда речь идет о вестях, полученных великим князем, появляется настоящее время («въздвигается»), как можно ожидать.³² Однако КЛП сжимает эти пассажи в одно предложение, сохранив прошедшее время из ПЛП, несмотря на то что данный глагол перемещен в сообщение:

²⁷ Рогожский летописец. Стб. 140.

²⁸ Чтобы разобраться в вопросе, к какой редакции относится перечень павших, нужно сначала исследовать летописные статьи в сводах, имеющих отношение к ПЛП. На мой взгляд, это одно из пополнений второй редакции ПЛП.

²⁹ Карамзинский список Новгородской летописи имеет тут имперфект: «гнѣвашеся». Следовательно, обе версии ПЛП, ближе всех соответствующие чтениям КЛП, и в этом случае соответствуют КЛП глагольной формой прошедшего времени (ПСРЛ. Т. 42. С. 139). Летопись Авраамки тоже имеет чтение «гнѣвашеся» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 108). В Софийской I летописи находим причастную форму настоящего времени: «гнѣваяся», слабо соотношенного с аористом «нача» (ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 455). Это в норме для ПЛП в Софийской первой летописи, которая вообще имеет меньше общих чтений с КЛП. Форма «гнѣваяся» также имеется в ПЛП Воскресенской летописи (ПСРЛ. Т. 8. С. 34) и в Новгородской летописи по списку Дубровского (ПСРЛ. Т. 43. С. 131).

³⁰ Новгородская IV летопись. Ч. 1 // ПСРЛ. Т. 4. С. 312.

³¹ Там же. С. 312.

³² Рогожский летописец. Стб. 139. Причастная форма «гнѣвашеся», вероятно, вторична по отношению к чтению «гнѣвашеся». Главное же в том, что Новгородская IV летопись, Карамзинский список и КЛП — все имеют глагольную форму прошедшего времени.

И бысть мѣсяца августа, придоша отъ Орды вѣсти къ князю къ великому Дмитрію Ивановичю, аже въздвизается рать Татарская на христіаны, поганый родъ Измалтескый, и Мамай нечестивый лють гнѣвашся на великаго князя Дмитрія о своихъ друзѣхъ и любовницѣхъ и о князѣхъ, иже побіени бысть на рѣцѣ на Вождѣ, подвижася силою многою, хотя плѣнити землю Русскую.³³

Сообщение о гневе Мамай («гнѣвашся») должно быть в настоящем времени, так же как и глагол «подвизается». Списывание из отдельных частей текста ПЛП проводилось слишком механически, и это привело к нарушению грамматической нормы.³⁴

Потом, рассказывая о подъеме русских войск, сочинитель КЛП допускает стилистическую оплошность. Его источник, ПЛП, говорит об обороне «отчины» Дмитрия Ивановича:

И совокупився съ всеми князми Рускими и съ всею силою, и поиде противу ихъ в борзе с Москвы и хотя боронити своа отчины.³⁵

Автор КЛП дополняет этот текст ПЛП поэтической формулой из устного эпоса, которая не совсем вписывается в прозаический стиль повести:

Се же слышавъ князь великій Дмитрей Иванович(ь), собравъ воя многы, поиде противу ихъ, хотя боронити своая отчины, и за святыя церкви и за правовѣрную вѣру христіанскую и за всю Русьскую землю.³⁶

Цепочка предложных фраз — знакомая формула из устного эпоса — плохо сочетается синтаксически с глаголом «боронити». В подобных контекстах предлог *за* обычно употребляется с другими глаголами, как например «побарати».³⁷ Кроме того, в сочетании с фразой «боронити своая отчины» использование этой серии предлогов избыточно. Церкви, вера и Русская земля как будто охватываются словом «отчина» — но, строго говоря, они охватываются им частично. Автор КЛП наверное заботился о том, чтобы речь шла обо всей Русской земле, а не только о Москве. Однако его дополнение не вписывается в первоначальное предложение.

Сочинитель КЛП создал еще одну проблематичную фразу, когда он сократил повествование о столкновении русского войска с татарами. В ПЛП упоминается «чисто поле» после перехода русских сил через Дон:

Князю же перешедшу за Донъ в полѣ чисто, в Мамаевоу землю, на оустъ Непрядвы...³⁸

³³ Рогожский летописец. Стб. 139.

³⁴ Данное расхождение в чтении — «гнѣвашся» (ПЛП) и «гнѣвашся» (КЛП) — не имеет большого значения в этом случае. Причастная форма может соотноситься с глаголом «нача», или же она может быть ошибкой (т. е. в протографе читалось слово «гнѣвашся»). В любом случае прошедшее время в оригинале (ПЛП) подсказало имперфект в КЛП. А что касается употребления настоящего времени в сообщениях, можно отметить, что есть еще часто встречаемый альтернатив настоящему времени: предмет сообщения становится прямым дополнением глагола «повѣдати», как в этом пассаже КЛП: «И переехавъ Оку, приде ему паки другыя вѣсти, повѣдаша ему Мамай за Дономъ собравшася, въ полѣ стояща и ждуца к собѣ Ягаила на помощь, рати Литовские» (Рогожский летописец. Стб. 139).

³⁵ Новгородская IV летопись. С. 314.

³⁶ Рогожский летописец. Стб. 139.

³⁷ В качестве контраргумента можно было бы сказать, что формула с предлогами «за... за... за» соотнесена с фразой «поиде противу ихъ». Это бы оправдывало употребление предлогов, но в сочетании с «боронити своа отчины» предложение выглядит неуклюжим.

³⁸ Новгородская IV летопись. С. 318.

После этого повествователь восхваляет Дмитрия Ивановича за смелость противостоять сразу трем врагам: татарам, литовцам и Олегу Рязанскому. За этим он цитирует молитву, произнесенную Дмитрием Ивановичем перед битвой. Наконец, он возвращается к главному рассказу о ходе битвы:

И бысть въ шестую годину дні, начаша появливатися поганіи Измалтянѣ в полѣ, бѣ бо полѣ чисто и велико зѣло, и тоу исполчишася Тотарстїи полци противу крестьянѣ, и тоу сретошася полци, и велиа силы оузревше, поидоша...³⁹

Эту информацию из двух отдельных мест автор КЛП сокращает и соединяет в одно предложение:

Князь же великіи поиде за Донѣ и бысть поле чисто и велико зѣло, и ту срѣтошася поганіи Половци, Татарьстїи плъци, бѣ бо поле чисто на усть Непрядвы. И ту изопльчишася обои, и устремишася на бои, и сосупишася обои...⁴⁰

В ПЛП второе упоминание о «чистом поле» оправдывается длинным промежутком, разделяющим оба пассажа. Однако в КЛП повторение этой формулы в рамках довольно краткого высказывания избыточно. Повествователь повторяется без нужды.

Итак, возникло несколько шероховатостей при попытке превратить ПЛП в краткое летописное известие. Эти места в тексте наряду с неожиданным изменением характера повествования свидетельствуют о том, что ПЛП первична по отношению к КЛП. Первая редакция КЛП ограничивалась краткой сводкой о битве, заканчиваясь словами: «Се бысть побоище мѣсяца сентября въ 8 день, на Рожество святыя Богородица, въ субботу до обѣда».⁴¹

Ввиду схожести стиля повествования второй части КЛП с повествованием ПЛП на всем ее протяжении, надо думать, что вторая часть расширенной редакции КЛП была списана с ПЛП. Если так, то первая редакция КЛП была создана на основе более ранней редакции ПЛП, которая доводила повествование только до конца битвы. Другими словами, первая редакция ПЛП была меньше по объему, чем известный нам вариант. Первая редакция ПЛП, заканчивавшаяся описанием победы русского войска, была сильно сокращена, чтобы создать первую редакцию КЛП. Позднее ПЛП была дополнена сведениями о кончине Мамае, об Олеге Рязанском, о павших в бою. Впоследствии этот дополнительный материал был списан почти слово в слово в конце КЛП.

Если присмотримся к тексту ПЛП, обнаружим следы, как минимум, двух редакций в истории этой повести. Но первым делом надо отметить, что при описании битвы в ПЛП (которым заканчивается первая редакция КЛП) в конце упоминается о военной добыче:

И гоніша ихъ до рецѣ до Мѣчи, и тамо бѣжащихъ бесчисленное множество погибоша, княжии же полци гнаша Содомлянѣ бьюще

³⁹ Там же.

⁴⁰ Рогожский летописец. Стб. 139.

⁴¹ Нужно отметить, что дефектность текста не обязательно означает его вторичность по отношению к какому-либо протографу. В Рогожском летописце и в Симеоновской летописи есть статьи, которые читаются как гладко отшлифованный беловик, тогда как их прототипы, отражаемые в Новгородской IV летописи, читаются как ходульный черновик. В своей аргументации стараюсь ограничиться теми отступлениями от нормы, которые лучше всего объясняются процессом сжатия и сокращения.

до стана ихъ, и полоніша бога(т)ства много и вся имѣнія ихъ Содомьская.⁴²

Оказываемся у той же границы, которая разделяет первую часть «Задонщины» от ее второй, дополнительной части. На этом месте можно бы было ожидать конец в первой редакции ПЛП. Вспомним радостную концовку «Сказания» Головина, которая следует за описанием добычи. Дальше по ПЛП добыча упоминается второй раз:

...и възвратися оттоуду въ богохранімыи градъ на Москву, въ свою отчину, с побѣдою великою, одолѣвъ ратнымъ, побѣди врагы своа. И мнози вои его възрадовашася, яко обрѣтающе користь многоу, пригна бо съ собою многа стада коней, и велблоуды, и волю, имже нѣсть числа, и доспѣхъ, и порты, и товарь.⁴³

Можно утверждать, что повествователь возвращается к теме добычи, не для того чтобы повторять уже сказанное, а чтобы дополнить его. Ведь первый пассаж ссылается на добычу, привезенную войсками из вражеского лагеря, тогда как второй сосредоточивается на добыче, увезенной ими в Москву. Однако такая аргументация упрощает «творческий фон», на котором возникла ПЛП. Нет сомнения, что авторы ПЛП следовали в какой-то мере мотивам устного эпоса о Куликовской битве, а «Сказание» дает нам картину эпического мотива добычи в сочетании с концовкой. Более того, ощутима разница в тоне между этими пассажами. В первом чувствуется нотка пренебрежения («и вся имѣнія ихъ Содомьская»), а во втором — чистая радость. Все это дает возможность утверждать, что два этих пассажа написаны разными авторами. Оба пассажа основаны на мотиве добычи из устно-эпической повести, где данный мотив находился тут же перед радостной концовкой — то, что мы видим в «Сказании» Головина перед его заключением. В ПЛП первое упоминание о добыче по своей фразировке не похоже на мотив добычи в «Сказании» и в «Задонщине». Это типично для автора первой части ПЛП, который избегает поэтического языка устного эпоса. Зато вторая аллюзия на добычу, работа «второго автора» ПЛП, явно отражает тон и фразировку устно-эпического мотива.

Заключение, что два упоминания о военной добыче восходят к двум разным авторам, подкрепляется рассказом об отваге Дмитрия Ивановича. После первого упоминания о добыче следует перечень павших героев. Это наводит автора на мысль о героизме самого князя, который, по легенде, выехал в передние ряды вопреки стараниям воевод удержать его и получил много ударов от врага. Конечно, Божией помощью он не получил глубоких ран:

О семь оубо мнози князи и воеводы многажды глаголаше емоу: «Княже, господинъ! не ставися напреди битися, но назади, или крилѣ, или нѣгдѣ въ опришнѣмъ мѣстѣ». Онъ же отвѣщѣваше имъ: «Да како азъ възглаголю: „братья моа, да потягнемъ вси съ единого“, а самъ лице свое почну крыти и хоронитися назади? не могу в томъ быти, но хощу яко же словомъ, такожде и дѣломъ напреди всѣхъ и предъ всеми главу свою положити за свою братью и за вся крестьяны, да и прочьи, то видѣвши, приимуть съ оусердиемъ дръзновеніе». Да яко же рече, и тако сътвори: бьяшеся с Тотары тогда, ставъ напреди всѣхъ; а елико одѣснуу и ошоу

⁴² Новгородская IV летопись. С. 321.

⁴³ Там же. С. 323—324.

его дружинину его биша, самого же въкроутъ остоупиша около, аки вода многа обаполы, и многа оудареніа оударишася по главѣ его и по плещема его и по оутробѣ его, но отъ всѣхъ сихъ Богъ застоупилъ его въ день брани щитомъ истиннымъ...⁴⁴

Эта версия подвига противоречит тому, что было сказано раньше, — будто великий князь выехал сначала в сторожевой полк, но скоро вернулся в ряды главного ополчения:

...самъ же великий князь наѣха напередъ въ сторожевыхъ полцѣхъ на поганого царя Теляка, нареченаго плотнаго дьявола, Мамаа, таче потомъ, не долго попусти, отъѣха князь въ великий полкъ.⁴⁵

При таком сценарии непонятно, как удалось великому князю дать и получить столько ударов, приписываемых ему в дальнейшем повествовании. Надо думать, что эти два пассажа созданы двумя разными авторами и мы имеем дело с двумя редакциями ПЛП.

Однако вторая версия доблести князя, скорее всего, была вставлена еще *третьим* автором. Данная версия заимствована из ранней редакции «Сказания о Мамаевом побоище».⁴⁶ Вот как читается этот эпизод в «Сказании» Головина:

Прииде же подъ свое Черное знамя, и сниде съ того коня на иной конь и совлече съ себя приволоку Царскую и въ иную облечеся; тотъ же конь даде подъ Михайла Александровича Брянка и въ ту приволоку его облече, иже бѣ любляше его паче мѣры, и то Черное знамя повелѣ Ръндѣ своему возити предъ нимъ, и возьмъ палицу желѣзную, подвизався изъ полку вонъ, восхотѣ прежде самъ начати. Князи же Русскіе и Воеводы удержаша его, глаголюще: «Не подобаетъ тебѣ Великому Князю самому битися. Тебѣ же Государю надлежитъ полци устраивати, и память творити и въ книгахъ писати дѣла Русскихъ сыновъ. Мы же вси готови есмы головы своя положити за тебя за ласкова Государя». Князь же Великій рѣче имъ: «Братія моя милая! како могу видѣти васъ погибаемыхъ, а самъ стояти? и како возглаголю: потягнемъ вкупѣ, а самъ лице свое почну крыти? Якоже хощу словомъ, такоже и дѣломъ напредъ всѣхъ быти, и предъ всѣми главу свою положити, да и прочіе примуть дерзновение. Общую чашу имамъ пити съ вами, други!»⁴⁷

Второй эпизод с храбрым поступком князя является компонентом длительного пассажа второй части ПЛП, который отсутствует в КЛП. Этот компонент начинается тут же после перечня павших и включает в себя утверждение автора, что список павших в его источнике слишком велик, чтобы списать его полностью. Потом следует рассказ о храбром подвиге великого князя, длинная цитата из Священного Писания, набожное заявление о человеческой грехов-

⁴⁴ Там же. С. 321—322.

⁴⁵ Там же. С. 319.

⁴⁶ О том, что автор ПЛП заимствовал мотив храбрости князя из «Сказания», говорит место, где данный мотив помещается. В «Сказании» он находится на своем месте по естественной хронологии событий. В ПЛП он передвинут к концу повести, где упоминается подвиг князя «задним числом». Это вдобавок к тому, что в списке Головина нет других сведений, имеющихся во второй части ПЛП. Кроме того, списки ПЛП дефектны отсутствием глагола там, где у Головина имеется глагол «быти»: «Якоже хощу словомъ, такоже и дѣломъ напредъ всѣхъ быти, и предъ всѣми главу свою положити, да и прочіе примуть дерзновение». Видимо, глагол был опущен при переписывании автором ПЛП из редакции Головина.

⁴⁷ Манн-2010. С. 92—93.

ности, краткое упоминание о торопливом отступлении Ягаило и сетование автора о новой наглости Литвы:

...токмо имени его Литва бояхоуся и трепетааху, а не яко при нонешнихъ временехъ: Литва надъ нами издѣваются и поругаются. Но мы сію бѣсъдоу оставлеше и (на) подлежащее възвратимся.⁴⁸

Все это отсутствует в КЛП. Предложение возвратиться к прежней теме, как обычно при употреблении этой формулы, дает понять, что автор приходит к концу своего собственного добавления к тексту. Компонент, отсутствующий в КЛП, добавлен для третьей редакции ПЛП. Вторая редакция КЛП (двухчастная, которая дошла до нашего времени) заимствовала окончание из второй редакции ПЛП еще до того, как было сделано это второе дополнение для третьей редакции ПЛП.

Еще один пассаж ближе к концу ПЛП дублирует информацию, известную уже с первых страниц повести. В Коломне Дмитрий Иванович узнает, что Олег Рязанский посылает Мамаю войска:

Олежь же, отступникъ нашъ, приединивыися ко зловѣрному и поганому Мамаю и нечестивому Ягаилу, нача выхоть емоу давати и силуо свою слати к немуо на князя Дмитрія. Князь же Дмитрії оувѣдавъ леть лоукаваго Олга, кровопивца крестьяньскаго...⁴⁹

После возвращения великого князя Дмитрия в Москву, ему еще раз сообщают об измене Олега:

Повѣдаша князю великому, что князь Олежь Рязаньскіи посылалъ Мамаю на помощь свою силуо, а самъ на рѣкъ перѣмѣталъ мость...⁵⁰

Дублировка информации лучше всего объясняется как работа второго автора ПЛП. Автор второй редакции упустил из виду то, что уже было сказано об Олеге в первой части повести.⁵¹

Автор второй части ПЛП утверждает, что он выписал имена павших в бою из списка с таким множеством имен, что он не смог все списать:

...иніи мнози, ихже имена не соуть писана въ книгахъ сихъ; сии же писана быша князи токмо и воеводы, нарочитыхъ и старѣишихъ боляръ имена, а прочьихъ боляръ и слоугъ оставихъ имена и не писахъ ихъ множества ради имениъ, яко число превосходить ми, мнози бо на тои брані побьені быша.⁵²

Это утверждение отсутствует в КЛП. Если КЛП является источником ПЛП, тогда перечень павших был составлен авторами КЛП, однако они не заявляют претензий на авторство этого перечня. Более того, у нас нет оснований сомневаться в заявлении автора ПЛП. Надо думать, что автор второй редакции ПЛП составил перечень, который впоследствии был вписан во вторую редакцию КЛП.⁵³

⁴⁸ Новгородская IV летопись. С. 323.

⁴⁹ Там же. С. 314.

⁵⁰ Там же. С. 324.

⁵¹ М. А. Салмина утверждает, что единственный возможный источник этой дублированной информации — КЛП. Однако она не доказывает, что КЛП вообще служил источником для ПЛП.

⁵² Новгородская IV летопись. С. 321.

⁵³ Указание повествователя на себя в первом лице не типично для первой части ПЛП на всем ее протяжении. Перечень павших принадлежит, скорее всего, автору второй, расширенной редакции ПЛП и отсутствовал и в первой редакции ПЛП, и в первой редакции КЛП.

Одно значительное расхождение в последовательности действия ПЛП и КЛП — время, когда Дмитрий Иванович получает сообщение, что Мамай ждет Ягайло за Доном. По КЛП Дмитрий получает сообщение *после* перехода через Оку:

И переехавъ Оку, прииде ему паки другыя вѣсти, повѣдаша ему Мамаю за Дономъ собравшася, въ полѣ стояща и ждуща к собѣ Ягаила на помощь, рати Литовские.⁵⁴

В ПЛП сообщение до него доходит *перед тем*, как он перешел Оку:

Паки прииде князю Дмитрію дру(гая) вѣсть: повѣдаше Мамаю за Дономъ събравшеся, в полѣ стояще, ждуще к собѣ на помощь Ягаила с Литвою, да егда сберутся вкупѣ, и хотять побѣдоу сътворити съ единого.⁵⁵

После этого, по ПЛП, Мамай требует увеличенную дань, отказавшись от прежних договоренностей. Потом Олег посылает Мамаю дань вместе с военной подмогой. Дмитрий вздыхает и произносит пространную молитву. Затем он навещает епископа Герасима в Коломне, чтобы получить от него благословение. После благословения он выдвигается из Коломны, стыкуется с Владимиром Андреевичем и с другими силами и наконец переходит Оку.

И начаша возитися за Окою за недѣлю до Семеня дні, въ день недѣльны; переѣхавше за рѣку, внидоша в землю Рязаньскую...⁵⁶

Если бы автор ПЛП следовал КЛП как главному источнику, тогда вряд ли он мог допустить такую ошибку в последовательности основных действий военного похода. Фразировка КЛП кратка и ясна. Используя КЛП как ориентир, практически невозможно спутать время перехода через Оку. С другой стороны, в ПЛП переход через Оку упоминается спустя большой промежуток времени и текста после получения Дмитрием Ивановичем вести о вражеском заговоре. Не трудно понять, что это автор КЛП потерялся в длительном рассказе ПЛП, путая последовательность событий, когда он корпел над способами сократить ПЛП до двух-трех листов.

Одной из больших загадок Куликовского цикла остается отношение ПЛП к «Сказанию о Мамаевом побоище». Первая часть ПЛП (повествование вплоть до перечня павших) соответствует «Сказанию» загадочным образом. Хотя нет очевидных свидетельств, что одно из этих произведений служило главным источником для другого, но оба они как будто следуют одному общему образцу. (Тут я имею в виду первую часть ПЛП. Изображение смелого подвига великого князя во второй части — работа другого автора — позаимствовано из ранней редакции «Сказания».) Например, в обеих повестях имеется эпизод активного участия небесных сил в один и тот же момент, но характер Божией помощи в ПЛП существенно отличается от «Сказания». По ПЛП, небесные силы стреляют во вражеское войско, тогда как в «Сказании» руки простираются с небесных высот и кладут венцы и цветы на головы русских войск. В «Сказании» вождь засадного полка побуждает войска «потерпеть» еще немного, когда они рвутся в бой, беспокоясь за своих товарищей. Примерно в этот же момент в ПЛП упоминаются неопытные московские бойцы, которые бегут

⁵⁴ Рогожский летописец. Стб. 139.

⁵⁵ Новгородская IV летопись. С. 314.

⁵⁶ Там же. С. 315.

с поля боя, забыв слова мучеников, побуждавших друг друга «потерпеть еще немного». Накануне битвы Дмитрий Волынский, согласно «Сказанию», толкует приметы, воспринятые им на Куликовом поле. Он слышит плач и рыдание с двух сторон — рыдание вдовы с одной стороны, и плач девицы, с другой. В этом же месте в ПЛП упоминаются плач и рыдание московских женщин.

Кроме этого сходства «Сказание» Головина имеет и другие общие черты с ПЛП, в том числе время присоединения двух Ольгердовичей к силам Дмитрия Ивановича. Во всех позднейших редакциях «Сказания» они приезжают *после* выдвигения русского войска из Коломны. Однако и в ПЛП, и в ранней версии «Сказания» у Головина Ольгердовичи присоединяются к великому князю *в Коломне*. Более того, как ПЛП, так и «Сказание» Головина употребляют исторически правильное имя литовского князя — Ягайло, тогда как позднейшие редакции «Сказания» называют его Ольгердом, который на самом деле умер в 1377 г.

Все эти обстоятельства дают основание считать, что ПЛП и «Сказание» Головина возникли в одну и ту же эпоху, вероятно, в первые десятилетия после Куликовской битвы. Хотя в ПЛП имеется выдержка из «Сказания», она вошла в текст только третьей редакции ПЛП и по этой причине мало чем помогает в определении времени происхождения «Сказания». Все-таки ясно, что ПЛП уже прошла две редакции перед тем, как послужила источником для второй части КЛП.

В. П. Адрианова-Перетц указала на заимствования из «Слова на Рождество Христово и на прихождение волхвов» в тексте ПЛП.⁵⁷ Следы этих заимствований наблюдаются в «Сказании» Головина, из чего можно заключить, что автор «Сказания» был в какой-то мере знаком с ПЛП.⁵⁸

Такое соотношение текстов подсказано еще одним обстоятельством. В ПЛП утреннее наступление русского войска начинается переправой *через Дон* в отличие от «Сказания», где войско великого князя уже находится за Доном накануне битвы. Это различие возникло, вероятно, когда устные повести о Куликовской битве дополнились легендой о толковании примет Дмитрием Волынским. Эпизод с ночными приметами по сути вытеснил эпизод драматической переправы через Дон, так как войско в ночь перед битвой должно было быть уже за Доном, на Куликовом поле, чтобы Дмитрий Волынский мог там слышать и толковать приметы. В ПЛП нет эпизода с ночными приметами, что, вероятно, отражает более ранний этап в эволюции устно-эпических повестей и легенд, которые вдохновляли авторов письменных произведений о Куликовской битве.⁵⁹

⁵⁷ Адрианова-Перетц В. П. Слово о житии великого князя Д. И., Царя Русьскаго // ТОДРЛ. М., 1947. Т. 5. С. 87.

⁵⁸ Описание Мамая в списке Головина, видимо, заимствовано из ПЛП. Список Головина: «...и пойде на Русь, свирепѣя яко левъ, дыхая яко неуголимая ехидна». ПЛП: «...аки аспида некаа, гневом дышюще [...] аки некаа ехидна прискающе, пришедше от некия пустыни, пожрети ны хочеть...». Данный мотив ПЛП в свою очередь восходит, как показала Адрианова-Перетц, к описанию царя Ирода в «Слове на Рождество»: «...распавився лютою яростию и наполнивися яко аспида некаа гневом дышющи [...] или неции звери бы быша нам яро дышюще, яко некия ехидна пыскающий, ишедши от некия пустыня и пожрели ны быша...». См.: Манн-2010. С. 49—51.

⁵⁹ «Задонщина» с ее описанием внезапного грандиозного наступления через Дон отражает подобный ранний этап в эволюции устных легенд о Куликовской битве.

Кроме рассказа о храбром участии Дмитрия Ивановича в битве и сетования автора о новой наглости Литвы ПЛП содержит еще один пассаж, который можно приписать «третьему автору». В КЛП Тохтамыш посылает войска в погоню за бежавшим Мамаем:

Мамаи же, то видѣвъ, и скоро побѣжа со своими думцами и съ единомысленики. Царь же Тохтамышь посла за нимъ въ погоню воя своя, и оубиша Мамаю.⁶⁰

Из этой сводки нужно заключить, что войска Тохтамыша убили Мамаю. Однако в ПЛП слова «и убиша Мамаю» заменяются пассажем о кончине Мамаю от рук жителей города Кафы (сегодняшней Феодосии):

Мамаи же гонимъ сыи и бѣгаа предъ Тахтамышевыма гонители, и прибѣжа близъ града Кафы, и съслася с Кафинци по докончанію и по опасу, дабы его прияли на избавленіе, дондеже избоудеть отъ всѣхъ гонящихъ его, и повелѣша ему [да внидеть]. И прибѣже Мамаи въ Кафу съ множествомъ имѣнія, злата и сребра; Кафинци же свѣщавшеса и сътвориша надъ ними облесть, и ту отъ нихъ оубьень бысть, и тако бысть конецъ Мамаю.⁶¹

Версия смерти Мамаю во второй части КЛП — это то, что писал «второй автор» ПЛП. Позднее, после того как легенда о кончине Мамаю в Кафе уже распространилась и, вероятно, нашла себе место в устно-эпических повестях, «третий автор» ПЛП, следуя устной традиции, расширил историю Куликовского конфликта, добавив эпизод с кафинцами.

Длинная набожная речь и молитва, произнесенные великим князем во второй части ПЛП, отсутствуют в КЛП. Эта речь следует непосредственно за повествованием о смелости князя, которое добавил «третий автор». Скорее всего, слова великого князя добавлены тем же «третьим автором». Молитва же вставлена между пассажами, которые присутствуют в КЛП и поэтому восходят ко «второму автору» ПЛП. Если молитва была сочинена «вторым автором» ПЛП, тогда автор второй части КЛП убрал ее, чтобы сократить свое летописное известие. Впрочем, она может также принадлежать «третьему автору» ПЛП, который работал над повестью уже после того, как вторая, окончательная редакция КЛП была полностью закончена. На мой взгляд, молитва является дополнением «третьего автора» ПЛП, который, как мне кажется, стремился к усилению набожного тона повествования.⁶²

Моя гипотеза о третьей редакции ПЛП основана, помимо отсутствующих пассажей во второй части КЛП, еще на одном соображении. Сочинитель второй части КЛП демонстрирует не много собственной творческой инициативы. Создается впечатление, что он большей частью занимается списыванием чужого текста и уклоняется от решительных шагов, даже таких, как сократить или вырезать предложения из оригинала, в том числе эпизод храбрости Дмитрия Ивановича, если бы этот эпизод присутствовал в том тексте, который он списывал.

Имя *Феодор Торусский* в перечне павших ПЛП — если оно действительно принадлежит лицу, жившему в более позднее время, — было, вероятно, включено в позднейшую редакцию ПЛП (например, третью). Возможно также, что

⁶⁰ Рогожский летописец. Стб. 141.

⁶¹ Новгородская IV летопись. С. 325.

⁶² Возможно, что формулировка «богохранимы градъ», отсутствующая в КЛП, тоже добавлена «третьим автором».

произошла путаница в именах. Летописное известие от 1375 г. ссылается на Ивана Тарусского и его брата Симеона среди воевод в силах Дмитрия Ивановича.⁶³ В перечне ПЛП имя *Феодор Торусский* соседствует с именем *Иван*, а перед ним стоит еще один *Феодор*:

Тогда же на томъ побоищи оубьені быша на съступѣ: князь Феодоръ Романовичъ Белозѣрскій, сынъ его Иванъ, князь Феодоръ Торусскій и брать его Мьстиславъ князь...⁶⁴

Близкое соседство сходных имен могло привести к ошибкам при списывании текста.

Когда мы обращаемся к летописным известиям о нашествии Тохтамыша (1382), то наблюдаем взаимоотношение текстов, сходное с тем, какое мы нашли при изучении ПЛП и КЛП.⁶⁵ В тех сводах, которые содержат ПЛП (Карамзинский список Новгородской летописи, Новгородская IV летопись и Софийская I летопись), мы также находим *пространную* повесть о нашествии Тохтамыша. А своды, содержащие КЛП (Рогожский летописец и Симеоновская летопись), представляют *краткое* известие о набеге Тохтамыша. Внимательное изучение двух вариантов повести о Тохтамыше показывает, что краткое известие является сокращением пространного варианта — так же как в повествованиях о Куликовской битве.

Возьмем, к примеру, самое начало краткого известия:

Того же лѣта царь Тохтамышъ посла въ Болгары и повелѣ христіанскыя гости Русскыя грабити, а сруды ихъ и съ товаромъ отнимати и провади(ти) къ себѣ на перевозъ, а самъ, собравъ воя многы, подвижася къ Волзѣ со всею силою своею и со всѣми своими безбожными плѣкы Татарьскыми, и перевезеся Волгу...⁶⁶

Сразу же бросается в глаза словосочетание «христіанскыя гости Русскыя». Кроме того, внимательный читатель задается вопросом: отчего автор, столь озабоченный экономией повествования, вдруг допускает избыточную фразу: «со всею силою своею и со всѣми своими безбожными плѣкы Татарьскыми». Обращаясь к пространной повести о Тохтамыше в Новгородской IV летописи, находим этому объяснение:

...и того же лѣта царь Тахтамышъ посла слуги своа въ градъ, нарицаемыи Болгари, еже есть на Волзѣ, и повѣлѣ торговци Рускиа и гости

⁶³ Новгородская IV летопись. С. 321. В этой летописной статье эпитет читается «Торужескии». Этот Иван упоминается вместе с братом, князем Симеоном Константиновичем Оболенским.

⁶⁴ Там же. С. 321.

⁶⁵ Опять-таки, мой взгляд на историю повести о Тохтамыше идет против общего течения. Д. С. Лихачев, например, занимал противоположную позицию, рассматривая пространную повесть как расширение краткого известия: «Перед нами простое расширение предшествующего текста [краткого известия о нашествии Тохтамыша. — Р. М.], выполненное при этом, по-видимому, самим летописцем, дополнившим и развившим от себя предшествующий летописный текст, а не соединившим его с каким-то другим самостоятельно существовавшим произведением о тех же событиях» (Лихачев Д. С. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV в. // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 9—24).

⁶⁶ Рогожский летописец. Стб. 143. В Софийской I летописи имеется разночтение: «...и поиде к Волзѣ со всею силою своею, и перевезеся на сю сторону Волгы и со всѣми своими кн(я)зи, и с безбожною силою татарскою» (Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 472).

крестьяньскіа грабити, а соуды ихъ и с товаромъ оу нихъ отнимати и провадити к собѣ на перевозъ; а самъ потщася съ яростию, събравъ воа многы, и подвижеся к Волзѣ съ всею силою своею; перевезеся на сію страну Волгы съ всѣми своими князми, с бѣзбожными вои с Татарьскими полки, поиде изгономъ на великого князя Дмитрія Ивановича и на всю Русь...⁶⁷

Как видно из сравнения двух текстов, ненужный повтор возник в результате того, что два предложения, относившиеся к татарским силам, были объединены в одно предложение с одним только глаголом. Такое же стремление к сокращению текста объясняет странное сочетание «христианскыя гости Русскыя» — результат опускания слова «торговци» из словосочетания «торговци Руския и гости крестьяньскіа».⁶⁸

Краткий вариант известия о татарском нашествии 1382 г. сосредоточивается на беженцах, нашедших приют за каменными стенами Москвы:

...а въ градѣ въ Москвѣ тогда затворилсѣ князь Остѣи, внукъ Олгѣрдовъ, съ множествомъ народа, съ тѣми елико осталось гражданъ и елико бѣжанъ съ волостей збѣжалосѣ и елико отъ инѣхъ збѣжалосѣ, въ то время приключишасѣ, и елико игумени, прозвутери...⁶⁹

Слово «инѣхъ» тут бессмысленно, а если бы оно относилось к другим волостям, то было бы излишне. Глагол же «приключишасѣ», собственно, не имеет подлежащего. Опять-таки, пространная повесть дает ключ к этим вопросам:

...Остеи, вноукъ Олгердовичъ... затворисѣ с ними въ градѣ во осадѣ, съ множествомъ народа, с тѣми, елико осталось гражданъ, и елико бѣжанъ сбѣ(жа)ло с волості, и елико отъ иныхъ градовъ и отъ странъ приключишасѣ в то время, боляре и сурожанѣ...⁷⁰

Здесь глагол «приключишасѣ» сочетается с подлежащим, которое опущено в сокращенном известии. Более того, становится ясно, что прилагательное «иныхъ» должно дополнять «градовъ», слово, выпавшее из текста при составлении краткого известия.⁷¹

Пространная повесть о нашествии Тохтамыша в несколько раз длиннее краткого известия. Ее автор разъясняет мотивировку действующих лиц, опи-

⁶⁷ Новгородская IV летопись. С. 327.

⁶⁸ Чтения в Симоновской летописи (С. 132) идентичны чтениям из Рогожского летописца. В принципе слово «торговци» могло исчезнуть из текста на разных этапах рукописной истории. Оно имеет значение для нашей дискуссии потому, что 1) это чтение имеется в обоих ключевых источниках с краткой повестью о Тохтамыше и 2) данное чтение соседствует с пассажем, который явно является результатом сокращения пространной повести.

⁶⁹ Рогожский летописец. Стб. 144. Чтение в Симоновской летописи (С. 132) идентично этой цитате из Рогожского летописца.

⁷⁰ Новгородская IV летопись. С. 329.

⁷¹ Пространная повесть освещает и другие пассажи с опущенными словами в краткой летописной статье, но можно возразить, что эти дефекты возникли не в результате сокращения текста: «...и пелены златомъ шитыя и саженныя одраша...» (Рогожский летописец. Стб. 144); «...и пелены, златомъ шитыя и жемчужомъ саженыя...» (Новгородская IV летопись. С. 334); «...и церкви зборныя разграбиша и иконы честныя и честныя одраша...» (Рогожский летописец. Стб. 144); «...и церкви сборныя разграбиша, олтаря святыя и мѣста попраша, и кресты честныя и иконы честныя одраша...» (Новгородская IV летопись. С. 334). Ср. варианты: «и иконы чудныя и честныя одраша...» (Симоновская летопись. С. 132); «и кр(е)сты ч(е)стныя и иконы чудныя одраша...» (Софийская I летопись. Стб. 479).

сывает события подробнее, чем в кратком известии, и подолгу оплакивает разрушение Москвы и гибель населения. Автор краткого известия, наоборот, стремится дать сжатую, экономную сводку о событиях без подробного описания обстоятельств. Его переделка витиеватого, плачевного описания разрушения не оставляет сомнения в его источнике — это ПЛП. Вот как читается данный пассаж в пространной повести:

И бѣаше видѣти тогда въ гради плачь и рыданіе, и вопль многъ, и слезы неизъчетныа, крикъ неоутолимыи, стенаніе многое, оханіе сѣтованное, печаль горкаа, скорбь неоутешимаа, бѣда нестерпимаа и ноужа оужаснаа, горѣсть смертнаа, страхъ и трепеть и оужась, дряхлованіе, ищезнованіе, попраніе, бесчестье, поруганіе, посмѣханіе врагомъ, оукоръ, стоудъ, и срамота, поношеніе и оунічиженіе, сіа вся приключишася на крестьянскомъ роду отъ поганыхъ за грѣхи наша.⁷²

Тот же самый пассаж в кратком известии:

И бяше въ градѣ видѣти тогда плачь и рыданіе и вопль многъ, слезы, крикъ великъ, стенаніе, оханіе, сѣтованіе, печаль горкаа, скорбь, бѣда, нужа, горесть смертнаа, страхъ, трепеть, ужась, дряхлованіе, ищезнованіе, попраніе, бещестіе, поруганіе, понось, (с)мѣханіе врагомъ, укоръ, студъ, срамота, поношеніе, оунічиженіе. Си вся приключишася на христіанствѣмъ родѣ отъ поганѣхъ грехъ ради нашихъ.⁷³

Автор сократил это «плетение словес», опустив полдесятка прилагательных. По какой-то непонятной причине он оставил существительные на месте. Такое «плетение словес» вовсе не согласуется с сжатым стилем краткого известия, оно явно позаимствовано из более многословного и эмоционального повествования пространной повести о Тохтамыше.⁷⁴

Пространная повесть о событиях 1382 г. объясняет, что было несогласие и замешательство среди русских князей и воевод, когда они услышали о нависшей угрозе. Именно в таком контексте Дмитрий Иванович покидает Москву и «не подня руку» на Тохтамыша. Сокращая эту часть повествования, автор краткого известия тоже сообщает, что великий князь «не подня руку» на врага, но он опускает ту часть текста, которая объясняет мотивировку этого решения (несогласие предводителей в том, как лучше организовать оборону). Таким образом, великий князь выглядит не таким уж великим! Его отъезд из Москвы походит на поступок трусливого князька. Но такой эффект — результат сокращения пространной повести — случайный. Если бы это было сделано, чтобы очернить Дмитрия в глазах читателей, то автор сохранил бы более полное описание хаоса и страдания в городе, чтобы читатели ассоциировали все это с уходом великого князя. Однако изображение беспорядка, паники и отсутствия разумного управления в городе тоже большей частью опущено, так же как и объяснение, почему великий князь покинул город. Изображение смерти и разрухи тоже подверглось сокращению, несмотря на то что такая картина не говорит в пользу Дмитрия Ивановича. Поэтому кажется, что автор

⁷² Новгородская IV летопись. С. 335.

⁷³ Рогожский летописец. Стб. 145.

⁷⁴ В тексте КЛП слово «посмежание» искажено. Первые три буквы были прочитаны переписчиком или редактором как «понось», несмотря на то что вскоре после этого слова следует «поношение». Вследствие этого получилось фрагментарное слово «механие» (восстановленное редакторами ПСРЛ).

краткого известия использовал свой «топор» довольно механически, стремясь трансформировать многословную повесть в краткое летописное известие. Негативное, казалось бы, изображение Дмитрия Ивановича нужно отнести за счет неумелости автора краткого известия при нанесении ударов тяжелым редакторским топором.⁷⁵

Итак, такой же процесс сокращения, результатом которого является КЛП, произвел на свет также краткое летописное известие о нашествии Тохтамышша. Соотношение КЛП к ПЛП такое же, как соотношение краткого известия о Тохтамышше к пространной повести о нем.⁷⁶ Шла параллельная редакторская работа в соседних летописных известиях. Это дает дополнительное основание считать ПЛП источником КЛП.⁷⁷

Кроме двух известий о Мамае и Тохтамышше другие известия Рогожского летописца и Симеоновской летописи за период от 1372 до 1400 г. тоже, видимо, восходят к тому своду, который дал нам ПЛП и пространную повесть о нашествии Тохтамышша. Среди таких известий можно упомянуть: известие о взятии Торжка (1372); известие о битве смолян с литвой (1386); известие о походе смоленского князя Святослава Ивановича на Мстиславль (1396);

⁷⁵ И в этом случае плыву против общего течения. Д. С. Лихачев ссылается на критическое отношение к Дмитрию Ивановичу у автора краткого известия: «Из других идейных отличий первой редакции „Повести о нашествии Тохтамышша“ от второй (пространной повести. — Р. М.) отметим критическое отношение к великому князю Дмитрию Донскому, осторожно выраженное в первой и несколько смягченное во второй» (Лихачев Д. С. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV в. // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 9—24). См. также: Рудаков В. Н. Неожиданные штрихи к портрету Дмитрия Донского: (Бегство великого князя из Москвы в оценке древнерусского книжника) // www.km.ru/referaty.

⁷⁶ Оставялю открытым вопрос о других редакциях пространной повести о нашествии Тохтамышша. Описание убийства князя Остея, начиная со слов «Какова [вариант: Такова] же бысть область Остѣя», выглядит как дополнение к основной повести (см.: Новгородская IV летопись. С. 332).

⁷⁷ М. А. Салмина утверждает, что пространная повесть о нашествии Тохтамышша датируется 1440-ми гг. и представляет собой квазиаллегорический комментарий на конфликт между Дмитрием Шемякой и Василием II (см.: Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамышша // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 134—151). В 2006 г. исследовательница заняла иную позицию, полагая, будто повесть о Тохтамышше написана много позже, с оглядкой на поход Ивана IV на Полоцк в 1563 г. Свое мнение она аргументирует тем фактом, что имя одного из ведущих воевод у Ивана было Тохтамыш. См.: Салмина М. А. Летописная Повесть о нашествии Тохтамышша: (К вопросу о времени создания памятника) // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 67. С. 190—196; эл. вар. см.: <http://chronologia.org/cgi-bin/dcforum/dcboard.cgi>, 2006. Данная теория — на грани фантастики. По характеру своему она близка к еще одной из новейших теорий, будто имя «Салават», одного из татарских «богов», упоминаемых в «Сказании о Мамаевом побоище», является зашифрованным термином *тавалас*, якобы означающим математическую таблицу. См.: Романов Б. А. Об одном фрагменте «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 596—599. Пропоненты этой новой теории умалчивают о том, что слово «салават» — исламский термин для ежедневных ритуальных молитв (умалчивают, ибо, по-видимому, не знают). Невежественные редакторы-составители «Сказания» включили слово «Салават» в список мусульманских божеств наряду с Мохаммедом и некоторыми языческими божествами славян. Теория Салминой также смахивает на недавнюю гипотезу (основанную, к моему ужасу, на некоторых из моих собственных исследований), будто в «Слове о полку Игореве» изображается не военная кампания, а просто свадьба! Непонятно, отчего Салмина молчит об одном обстоятельстве: известие Новгородской IV летописи о битве на Воле в словесном отношении идентично известию Рогожского летописца. Вероятно, Салмина сама не знала об этом или же она просто предполагала, что известие в Новгородской IV летописи восходит к сводам, содержавшим КЛП.

и известие о победе над Витовтом на Ворскле (1399). А что касается сводки о битве на Воже в Рогожском летописце, которой Салмина приписывает большое значение, то она почти слово в слово совпадает с параллельной сводкой в Новгородской IV летописи. Относительно этой сводки трудно определить, какая версия первична. Главная разница между ними в том, что сведения о знахаре, захваченном во вражеском лагере, в Рогожском летописце помещаются в конце сводки, тогда как в Новгородской IV летописи рассказывается о нем после описания бегства татар и добычи, найденной в оставленном лагере. Поскольку место действия для эпизода со знахарем — вражеский лагерь и поскольку Новгородская IV летопись придерживается тут естественной последовательности действия, постольку можно догадаться, что версия в Новгородской летописи первична по отношению к той, что читается в Рогожском летописце. Признаюсь, это лишь только догадка, основанная на скудных данных, но нет оснований для другой гипотезы. Если эта догадка правильна, т. е. что сводка о Вожской битве позаимствована из свода с известием, попавшим впоследствии в Новгородскую IV летопись, тогда это бы объясняло фразеологические параллели, отмеченные Салминой. Все они присутствуют в Новгородской летописи. Летописные известия о Куликовской битве и битве на Воже в Рогожском летописце восходят к одному источнику, отраженному Новгородской IV летописью. Этот общий источник разъясняет общие формулировки КЛП и известия о Вожской битве.⁷⁸

Аргументы Салминой убедили ряд историков в том, что ПЛП восходит к КЛП. Ее ошибка, на мой взгляд, состоит в подходе к каждой повести как к монолитному целому, она не обратила должного внимания на стилистическое отличие друг от друга двух частей КЛП. Л. А. Дмитриев заметил это различие и указал на повторное упоминание о бегстве Мамаю как на свидетельство того, что автор черпал информацию из дополнительного источника — но он так и не разыскал этот источник.⁷⁹

Если КЛП является сокращением ПЛП, тогда оба произведения датируются временем до 1408—1409 гг., когда была составлена Троицкая летопись. Хотя Троицкая летопись пропала во время оккупации Москвы Наполеоном, но выдержки из ее известия от 1382 г., цитируемые Карамзиным, показывают, что она содержала именно краткое известие о нашествии Тохтамыша.⁸⁰ Из этого следует, что она также содержала КЛП, которая подверглась тому

⁷⁸ Совпадения в формулах КЛП и известия о битве на Воже не очень нуждаются в объяснении, поскольку большинство из этих формул можно найти на страницах Новгородской IV летописи в известиях за 1370-е гг. Например: «князь же Олегъ събра вои многи, иде ратью противу ихъ, и поможе Богъ князю Дмитрею и его воемъ, и одолѣша Рязанцевъ» (1371 г.; С. 296); «и отъидоша с побѣдою и съ многою користою» (1372 г.; С. 297); «поидоша к Нижнему Новгороду изгономъ без вѣсти» (1378 г.; С. 308); «оудариша на нашу рать в тыль, бьюще и колюще и секуще без вѣсти» (1378 г.; С. 308); «а Татарове послѣ, бьющее» (1378 г.; С. 308); «Князь поиде противу ихъ» (1379 г.; С. 308).

⁷⁹ См.: Дмитриев Л. А. История памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 324.

⁸⁰ Выписки Карамзина из Троицкой летописи за 1382 г. совпадают с чтениями в Симеоновской летописи и в Рогожском летописце, из чего можно заключить, что, так же как другие известия в этих сводах, известие за 1382 г. восходит к Троицкой летописи. У Карамзина нет выписок из сводки Троицкой летописи о Куликовской битве, хотя он выписал значительный материал из «Сказания о Мамаевом побоище». См.: Приселков М. Д. Введение // Троицкая летопись. С. 419—425.

же процессу сокращения. Поэтому и КЛП, и ее источник ПЛП должны датироваться периодом от 1380-х гг. до 1408 г.⁸¹ Более того, последовательное соответствие между выписками Карамзина и текстом Рогожского летописца (который содержит вторую редакцию КЛП) дает понять, что составители Троицкой летописи использовали вторую редакцию КЛП. Можно заключить, что к 1408 г. уже была создана вторая, слегка расширенная редакция ПЛП. Летописный свод, в котором авторы КЛП находили свой источник — ПЛП, — остается загадкой. Не мог ли им быть «Летописец Великий Русский», пропавший свод, упоминаемый составителями Троицкой летописи под 1392 г.⁸² Однако эпизод с подвигом Дмитрия Ивановича, заимствованный частично из «Сказания», вероятно, был добавлен к ПЛП позднее.⁸³

Заключение

Первые же строки «Слова о полку Игореве» сообщают, что повествование уже началось старыми словами героических повестей о походе Игоря:

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстии о полку Игоревѣ... [Не лепо ли нам было, братья, начинать старыми словами героических повестей о полку Игореве...]

Если читать эти слова не в русле укоренившейся традиции, тогда становится ясно, что это — аллюзия на устно-эпические повести о полку Игореве.⁸⁴ Данные, свидетельствующие о создании «Слова» в устной традиции, перевешивают все аргументы в пользу его письменного происхождения. Среди многочисленных свидетельств можно указать на широкую гамму совпадений в традиционных устных сказаниях, песнях, причитаниях и заклинаниях у восточных славян. Можно указать на собственные слова повествователя,

⁸¹ Можно предполагать, что ПЛП впервые была написана за несколько лет перед тем, как подверглась сокращению для создания КЛП. Возможно, первая редакция ПЛП датируется 1380-ми гг. КЛП основана на тексте, сходном с ПЛП в Новгородской IV летописи и Карамзинском списке Новгородской летописи. Текст ПЛП в Софийской I летописи имеет значительно меньше общих чтений с КЛП.

⁸² См.: *Приселков М. Д.* Введение // Троицкая летопись. С. 439. Аллюзия на «Летописец великий русский» в Троицкой летописи дает понять, что этот источник пользуется определенным авторитетом. Его название как будто говорит, что это большой, объемистый свод, в котором можно ожидать пространные повести типа ПЛП и пространной повести о нашествии Тохтамыша.

⁸³ См.: *Бобров А. Г.* Редакция Новгородской четвертой летописи // ТОДРЛ. Л., 2000. Т. 51. С. 107—136 (его стемма на с. 122). Как мне кажется, стеммы Лурье, Боброва и Прохорова соответствуют теории Салминой о позднем происхождении ПЛП, хотя, конечно, история сводов не обязательно совпадает с историей отдельных известий в них.

⁸⁴ Глагол «бяхетъ» в древнерусском языке последовательно употреблялся в качестве глагола прошедшего времени. Нет оснований утверждать, будто «бяхетъ» выполняет функцию сослагательного наклонения, хотя такое толкование уже давно укоренилось в исследованиях и переводах «Слова». В начале «Слова» повествователь ссылается на слова эпических повестей, которыми он уже начал свою повесть. Этот зачин не сохранился в тексте «Слова», найденном в конце XVIII в., но зато остался глагол прошедшего времени «бяхетъ». Маловероятно толкование Якобсона, будто «трудныхъ повѣстии» является прямым дополнением глагола «начяти» в родительном падеже. См.: *Манн Р.* «Песнь о полку Игореве»: Новые открытия. М., 2009. С. 5—7; *Mann R.* The Igor Tales and Their Folkloric Background. Karacharovo, 2005. P. 19—22; 96—100.

который называет свое произведение песнью. Это — наряду с близким стилистическим сходством между его повестью и цитируемыми им выдержками из песен легендарного Бояна. Можно указать на особые вариации метафор, свидетельствующие о том, что песнотворец употреблял традиционные формулы, а не сочинял «с плеча», как обычно сочиняет писатель.⁸⁵ «Сказание» Головина показывает, что один из важнейших шаблонов киевской устно-эпической традиции — концовка, которая отсутствует в списках «Задонщины», — еще давала о себе знать в устном эпосе конца XIV в.

Вопрос о судьбе киевского устного эпоса в XIII и XIV вв. едва затронут фольклористами и специалистами по древнерусской литературе. Неудивительно, что свидетельства устного происхождения «Слова о полку Игореве» упорно игнорируются. Ученые упорно трактуют «Задонщину» и ряд сказаний XVII в., известных нам из позднейшего фольклора, как письменные по происхождению сюжеты.

Ввиду различных устно-поэтических формул, неожиданно всплывающих в разных редакциях «Сказания», необходимо пересмотреть общепринятую интерпретацию приписки к псковскому «Апостолу» 1307 г. Исследователи рассматривают этот краткий текст как цитату из «Слова о полку Игореве». Однако различия в аллитерациях указывают на другое соотношение текстов:

«Слово»: Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшетъ усобицами, погибашеть жизнь Дажьдбожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци челоуѣкомъ скратишась.

«Апостол»: Сего же лѣта бысть бой на Русьской земли: Михаил с Юрьем о княжене Новгородское. При сих князѣхъ сѣяшется и растяше усобицами, гыняше жизнь наша. В князѣхъ — которы, и вѣци скоротишася челоуѣкомъ.⁸⁶

Сохранилось созвучие, несмотря на замену некоторых ключевых слов: крамола/котора и Дажьдбожа внука/наша. Глагол «скратишась» заменен полногласной формой глагола в соответствии с полногласным словом «которы». Созвучие в словосочетании «гыняше жизнь наша» еще полнее, чем в сооветствующей формуле «Слова». Изменения осуществлены с искусностью опытного песнотворца. Приписку не сочинил какой-нибудь писец. Скорее всего, это не цитата из «Слова», а позднейший вариант киевского мотива, процитированный из эпической песни о междоусобных боях начала XIV в. Даже если бы приписка была выдержкой из «Слова», то она наверняка была бы более поздним вариантом, который часто менялся, переходя из поколения в поколение. Поэтому, если песнотворцы продолжали сплетать эпические песни в 1307 г., то нет ничего удивительного в том, если — в той же традиции — была создана эпическая песнь о Куликовской битве 1380 г.⁸⁷

Песнь о Куликовской битве лежит в основе «Задонщины». Неясно, однако, каким образом устная повесть стала письменным произведением. Все-таки

⁸⁵ См.: Mann R. 1) The Igor Tales and Their Folkloric Background. P. 161—163, 267; 2) Lances Sing. Columbus, 1989. P. 50, 62, 145.

⁸⁶ Mann R. 1) Lances Sing. Columbus, 1990. P. 112—113; 2) The Igor Tales. M., 2005. P. 230—231.

⁸⁷ О датировке «Слова о полку Игореве» первыми десятилетиями XIII в. см.: Mann R. The Igor Tales and Their Folkloric Background. P. 98—112; Mann P. «Песнь о полку Игореве»: Новые открытия. С. 61—71.

маловероятно, чтобы текст был записан кем-то при исполнении певцом. Скорее, он был записан по памяти грамотным писателем. Такое обстоятельство объяснило бы в какой-то мере оборванность повествования, испорченные чтения и однообразие метафор «Задонщины».

В любом случае какая-то версия эпической песни о победе над татарами была записана. Может быть, уже в первой редакции автор вкрапывал прозаическую «отсебятину» (молитвы, привязки к датам и церковным праздникам) в метафорический текст устной повести. Позднее, когда легенда о смерти Мамае укоренилась в фольклоре и, вероятно, ассимилировалась песнями и устными сказаниями о Куликовской битве, редакторы дополнили текст «Задонщины» этим эпизодом. Списки У и С отражают два разных способа расширения концовки, но в обоих случаях, по-видимому, редакторы убрали устно-эпическую концовку, очень близкую к той, что читается в конце списка «Сказания», изданного Головиным. Такая интерпретация объясняет, отчего два извода близко сходятся вплоть до мотива военной добычи, который стоит непосредственно перед радостным музыкальным заключением в «Сказании» Головина. Как бы то ни было, именно «Задонщина» и разные редакции «Сказания» открывают нам оконце на устные повести, лежавшие в основе всех памятников Куликовского цикла.

Подобный процесс расширения проходили ПЛП и КЛП — опять-таки с главным дополнением как раз после упоминания о добыче. Ранняя версия ПЛП заканчивалась ликованием после разгрома татар без упоминания о смерти Мамае. Эту версию сократил автор первой редакции КЛП, видимо, с целью создать краткое летописное *известие* в отличие от пространной летописной повести. Впоследствии ПЛП немного расширилась за счет добавления эпизода с кончиной Мамае. Это дополнение было выписано из ПЛП почти слово в слово для второй, расширенной редакции КЛП. Судя по некоторым пассажам второй, дополненной части ПЛП, которые отсутствуют в КЛП (в первую очередь анекдот об участии великого князя в рукопашном бою), можно предполагать, что эти места отсутствовали в первом дополнении к ПЛП и принадлежат еще «третьему автору» ПЛП, работавшему над повестью после двукратного обращения к ней сочинителей КЛП. Таким образом, и ПЛП, и КЛП прошли ряд редакционных этапов перед тем, как приняли известную нам форму.

Соотношение «Сказания» и ПЛП остается загадкой. Мы видели, что «третий автор» ПЛП заимствовал из «Сказания» анекдот о храбрости Дмитрия Ивановича, хотя это может быть довольно поздним дополнением. Кроме того, мы знаем, что редакция Головина моложе, чем «Слово о житии и преставлении Димитрия Иоанновича», из которого она переняла метафоры «златоперсисгый голубь» и «сладкоглаголивая ластовица».⁸⁸ Однако «Слово о житии Дмитрия Ивановича» может восходить ко времени вскоре после смерти князя в 1389 г. Поэтому его влияние на «Сказание» суживает временные параметры для создания «Сказания» лишь на девять лет, исключив срок от 1380 до 1389 г.

Поскольку «Сказание» Головина и первая часть ПЛП содержат сходное повествование, но без явных следов влияния одной повести на другую, надо

⁸⁸ См.: Манн Р. Сказание о Мамаевом побоище : Забытый список Николая Головина. С. 60—61.

думать, что оба произведения следуют общему образцу. По всей вероятности, этим образцом был устный эпос о Куликовской битве. Заимствования из «Слова на Рождество Христово и на прихождение волхвов» в ПЛП вместе с тончайшим эхом этих заимствований в «Сказании» дают хотя бы хрупкое основание считать, что автор «Сказания» был знаком с первой частью ПЛП, что тоже может объяснить сходства в сюжете. Эпизод толкования примет Дмитрием Волынским накануне битвы в «Сказании» кажется дополнением к основной истории, общей «Сказанию» и ПЛП, что тоже говорит в пользу предположения о написании «Сказания» *после* первой редакции ПЛП.

Нужно отметить, что, так же как «Задонщина» и летописные повести о Куликовской битве, «Сказание» тоже расширялось дополнительными эпизодами в каждой очередной редакции. В редакции Снегирева (первой уцелевшей редакции после редакции Головина) краткая заметка о смерти Мамаю вставлена перед мотивом добычи и ликования:

Поганому царю Мамаю отсельъ збѣжавшу и добеже, идѣже есть градъ Кафа: имя ж свое потаилъ бяше и познанъ бысть нѣкоимъ гостемъ купцемъ Фряжскимъ, ту и оубиенъ. Оудальцы восплескаше в Татарскихъ оузорочіяхъ, везучи въ землю оуюсы и насычи, бугаи, коне и волю и вельблуды, меды и вина и сахари. Предъвознесесе слава Руская надъ поганыхъ землю...⁸⁹

Позднейшие редакции расширяют этот эпизод еще дальше, перемещая и обрабатывая его в соответствии с потребностями редакторов.

Изучение памятников Куликовского цикла с давних пор затруднено ошибочным предположением, будто «Слово о полку Игореве» сочинил не песнотворец, а писатель. Эта гипотеза, принятая за научный факт, придавала и придает буквально всем исследованиям «Слова» свою окраску и отвлекает внимание ученых от традиционной словесной культуры, вдохновившей и «Слово», и памятники Куликовского цикла. Список «Сказания», изданный Головиным и упущенный из виду на полтора столетия, поможет постепенно изменить средоточие дискуссий.

⁸⁹ Там же. С. 167.